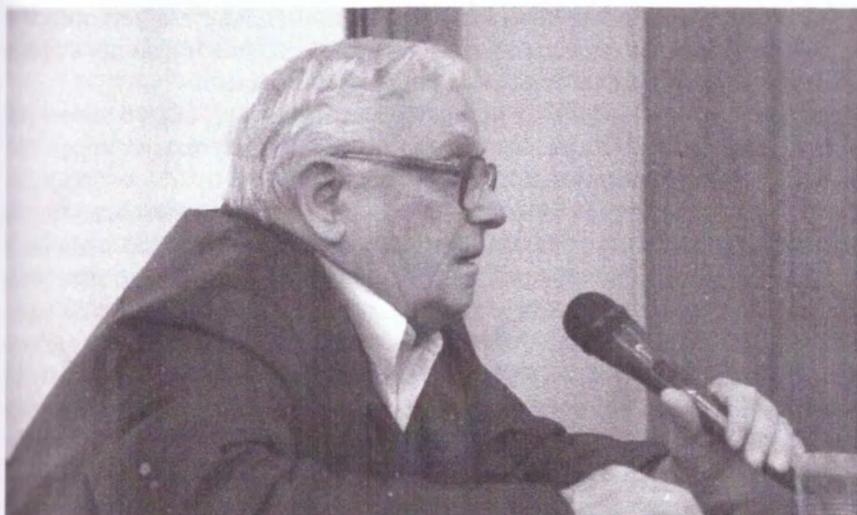

Hurre R., Marsh P., Rosser E. The rules of disorder. London, UK: Routledge and Kegan Paul, 1978.

Hurre R., Rom H., Moghaddam F.M. Psychology for the Third Millennium. London: Sage, 2012.

Sternberg R.J., Jarvin L., Grigorenko E. Explorations in Giftedness. Cambridge: Cambridge University Press, 2010.

ОНТОЛОГИЯ МЫСЛИ

В. Д. Шадриков

профессор НИУ ВШЭ, академик РАО

Утверждается, что успешная разработка такой фундаментальной категории как психология мысли, может успешно разрабатываться на основе онтологического подхода. В исследовании предлагается структура мысли, которая выступает как информационно-потребностно-эмоциональная характеристика мысли, раскрываются отношения мысли и информации, рассматривается процесс порождения мысли.

К понятию «мысль» люди обращались еще в глубокой древности. Так, например, Аристотель утверждал, что добродетели души относятся или к нраву или к мысли. Рассматривая источник поступка, Аристотель отмечал, что этот источник заключается в сознательном выборе,

а сознательный выбор «невозможен ни помимо ума и мысли, ни помимо (нравственных) устоев... Однако сама мысль ничего не приводит в движение, (это делает только мысль), предполагающая какую-нибудь цель... Именно поэтому сознательный выбор – это волящий ум (т.е. ум, движимый волей), или же осмысленная воля (т.е. воля, движимая мыслью), а именно такое начало есть человек» (Аристотель, 2002).

Аристотель, признавая мысль как составную часть души, не дает ей определения. Но исходя из его рассуждений, можно сделать предположения, что мысли отражают содержание ума.

Данное понимание мысли, как содержание ума, как то, с чем работает мышление, как то, о чем мыслит человек, проходит через все работы, где используется понятие «мысль».

Пробуя определить контур (только контур) проблемы, что такое мысль, В. П. Зинченко писал: «Если мы спросим себя, что означает торжественное слово „мысль“, то обнаружим слишком широкое употребление этого слова. Все, что „взбредет“ в голову, называется мыслью» (Зинченко, 2010). Рассматривая различные использования понятия мысли, В. П. Зинченко приходит к выводу, что «едва ли кто-нибудь может вразумительно ответить на вопрос, что такое мысль и каков механизм ее возникновения. Метафоры, конечно, дают об этом некоторое представление, но пока еще далекое от понимания» (там же).

Попытку обратиться к мысли как к психологической категории сделала психология сознания. Один из ее видных представителей Уильям Джемс рассматривал мысль как часть личного сознания. «Значение этого термина (личное сознание), – писал он, – понятно нам до тех пор, пока нас не попросят точно объяснить его; тогда оказывается, что такое объяснение представляет одну из труднейших философских задач» (Джемс, 1901). Столь же трудно и определение понятия мысль. Джемс подчеркивал, что мысль всегда личностна, не бывает чистой мысли. «По-видимому, – писал он, – элементарным психическим фактом служит не „мысль“ вообще, не „эта или та мысль“, но „моя мысль“, вообще „мысль, принадлежащая кому-нибудь“» (там же).

Под личным сознанием Джемс понимал «связные последовательности мыслей, сознаваемые, как таковые. Худшее, что может сделать психолог – это начать исследовать природу личностных сознаний, лишив их индивидуальной ценности» (там же). Джемс подчеркивал, что в сознании ни одна из мыслей не обособлена совершенно, «но каждая связана с некоторыми другими, от остальных же совершенно независима» (там же). Мысль, отмечает Джемс, всегда есть мысль о предмете, его свойствах. Мыслью мы познаем факты, характеризующие предмет

и отношения, в которых он находится с окружением. Объекты сознания, отмечает Джемс, всегда связаны «с психическими обертонами» (там же). Джемс подчеркивал, что в процессе познания мы познаем не только простые объективные качества предметов, но и их *отношения* (между психическими обертонами) (там же). Знание о предмете есть знание об его отношениях с другими предметами. «Во всех наших произвольных процессах мысли всегда есть известная *тема* или *идея*, около которой вращаются все остальные детали мысли (в виде „психических обертонов“)» (там же).

К сожалению, исследования в контексте психологии сознания с ее интроспективным методом были вытеснены из главных направлений психологии. А вместе с этим ушла из исследований и мысль, как одна из основных психологических категорий. Пожалуй, одним из последних использовал эту категорию в своих исследованиях мышления С. Л. Рубинштейн. В целом же необходимо отметить, что современная психология обходится без мысли.

Несмотря на длительную философскую традицию изучения мышления и сознания, многочисленные подходы и трактовки данных явлений, успехи в этой области достаточно скромные. Включение в данную сферу исследований биологов, психофизиологов, нейропсихологов приоткрыло завесу материальных основ психической деятельности. Определенный вклад внесли психолингвистика и семантика, кибернетика и информатика, а также художники и поэты.

Однако ситуацию с изучением самой мысли как предмета исследования можно определить, перефразируя слова С. Л. Рубинштейна о способностях так – все используют понятие «мысль», но никто не говорит, что она есть, какова ее сущность, как она рождается и участвует в процессах мышления.

В чем же причина такого положения дел? Нам представляется, что одна из причин заключается в неразработанности онтологии мысли. Как отмечает М. А. Холодная, «в силу максимальной свернутости психических структур возникает иллюзия их отсутствия как психологического факта и, следовательно, как объекта психологического исследования» (Холодная, 2012). Это положение полностью относится и к изучению структуры мысли. В рассуждениях о мышлении мысль берется как некоторая данность, без раскрытия ее психологической сущности.

Последствия такого положения, пишет Холодная, драматичны: «...происходит деформация предмета психологического исследования в силу деонтологизации психической реальности» (там же). В случаях изучения мысли это приводит к сведению мысли до ин-

формации, мысль депсихологизируется. Существенную помощь в разрешении онтологической проблемы Холодная видит в построении исследований на основе *структурно-интегративной методологии*, «основные положения которой позволяют изучать психологические феномены в качестве психологических структур, имеющих специфические закономерности своего устройства и функционирования» (там же). Нам представляется, что предложенная методология важна и при психологическом изучении мысли как психического явления.

Что такое мысль человека? (онтология мысли)

Для того чтобы ответить на поставленный вопрос, необходимо обратиться к проблеме назначения психики. В общем виде можно ответить, что психика регулирует отношения человека с внешним миром в целях построения поведения, обеспечивающего *существование* человека, его жизнь. Человек должен, прежде всего, быть. Вне бытия снимаются все проблемы существования человека. Быть – значит существовать в мире, а жизнь человека можно определить как существование его во внешнем мире, от рождения до смерти, благодаря активному отношению с внешним миром, причина которого лежит в самом человеке. *Исходить из необходимости бытия – важнейший методологический принцип в познании психики человека.*

Но, что необходимо человеку для того, чтобы обеспечить свое существование во внешнем мире? Прежде всего, необходимо познать этот мир и познать себя в *функциональных* качествах, т. е. качествах, определяющих отношение с миром на основе своих субъективных свойств. Функция психики заключается в обеспечении человека сведениями об окружающей среде и самом себе и построении адаптивного поведения. Осуществляется это через познавательные процессы. Остановимся, прежде всего, на ощущениях и восприятии. В процессе познания предметов внешнего мира мы устанавливаем:

- единичность и уникальность вещи;
- связь вещи с другими вещами;
- функциональное значение вещи;
- способы обнаружения свойств вещи и ее отношений с другими вещами.

Познание вещи тесно связано с ее пониманием. Отражение вещи в окружающем мире – это познание, но отражение вещи как отличной от других вещей окружающего мира – это и понимание ее от-

дельности, ее отличия от других. Приобретение знаний об отношении вещей – это и понимание того, что вещи могут воздействовать друг на друга. Приобретение знаний о свойствах вещи – это понимание также их значения, смысла, функциональной ценности.

Сказанное относится к пониманию того, *что есть вещь*. Но существует и следующий уровень познания – выяснение того, – *почему данная вещь*: во-первых, отличается от других, во-вторых, обладает именно этими свойствами, в-третьих, именно так соотносится с другими вещами, и в-четвертых, именно так можно обнаружить ее свойства и отношения.

Как мы видим, познание предметов внешнего мира представляет собой развернутый процесс.

Познание окружающего мира предполагает выделение отдельных предметов из окружающей среды, выделения отдельных признаков предмета, установление значения этих признаков и вещи в целом для процесса жизнедеятельности субъекта. Эти задачи реализуются в процессах ощущения и восприятия, включенных в деятельность и поведение. Результатом выступает оперативный образ вещи и его признаки. Таким образом, реализуется важнейшее функциональное предназначение психики – формирование образов предметов внешнего мира и его признаков. Важно подчеркнуть единство образа и его признаков. Это ключевой момент. Образ без признаков превращается в фантом. *Единство образа и его признака выражается в мысли*. Мысль несет в себе связь образа и его признака. Связь образа с признаком и составляет первую фазу формирования предметной мысли. **А формирующаяся система отношений между образом и его признаками составляет сущностную часть познавательного процесса.** А так как отношение между признаком и образом реализуется в мысли, то и *сущность познавательного процесса определяется порождением мыслей и отношениями между ними.*

Содержательная характеристика мыслей

Определив мысль через отношение вещи и ее признаков, мы выявили только одну сторону мысли. Важно отметить, что восприятие, как уже говорилось, носит функциональный характер и признаки воспринимаемой вещи всегда носят функциональный характер, т. е. они имеют непосредственное отношение к деятельности или поступку, которые совершает субъект восприятия. Следовательно, признак вещи наделяется определенным значением, обусловленным сущностью

выполняемой деятельности. Таким образом, мы можем констатировать, что мысль не только отражает отношение вещи к ее признаку, но и наделена определенным *содержанием, выраженным через значение воспринимаемого признака для деятельности субъекта*. Иными словами, отношение между признаком и образом вещи реализуется мыслью, которая несет и себе определенное *функциональное* содержание. В данном случае мы имеем дело с реализацией психофизического принципа в трактовке С. Л. Рубинштейна. С одной стороны, мысль отражает отношение нейropsychологического субстрата и психологической функции, а с другой – содержание мысли отражает ее связь с воспринимаемым объектом. При этом содержание образа носит функциональный характер, что согласуется с принципом единства сознания и деятельности.

Высказанные выше суждения позволяют перейти к содержательной характеристике мыслей.

Как мы отметили, мысль отражает объективное содержание предметного мира. В каждой предметной мысли схватывается только одна сторона предмета, и с образом первоначально связаны мысли, относящиеся к внешней стороне предмета. В дальнейшем происходит *раскрытие содержания* этих мыслей. Субъект стремится установить их *значение и личностный смысл*. Это раскрытие значения и смысла предметной стороны мыслей и составляет сущность их *интеллектуализации*. Происходит это в процессе жизнедеятельности. Образ и его мысли-признаки включаются в процесс жизнедеятельности, в котором и устанавливается их семантика. Таким образом, мысль-признак нагружается конкретным значением – содержанием, мысль обогащается. Одна и та же мысль-признак, включенная в различные ситуации, и различные формы жизнедеятельности, будет наделяться все новым и новым содержанием.

Далее необходимо отметить, что *мысль рождает мыслящий человек*, и поэтому мысль всегда носит субъективный характер. Этот процесс субъективации мысли идет по трем направлениям:

- в мыслях опредмечивается потребность мыслящего субъекта;
- нравственные устои субъекта влияют на содержание мыслей;
- происходит социокультурная субъективация мыслей.

В той мере, в какой человек воспитан в определенной культуре, он будет в ее контексте воспринимать и внешний мир. Например, для нас мак – это цветок и растение, обладающее апотропейными свойствами, а для русского крестьянина – это и действенный оберег от нечистой силы. Подробно с различным этнолингвистическим смыслом разных

понятий славянской культуры можно ознакомиться по прекрасному пятитомнику «Славянские древности» (2005–2011).

Люди, воспитанные в различных культурах, будут наделять одни и те же предметы различным (несовпадающим) значением, и мысли, возникающие при этом, будут различными. По этому поводу О. Шпенглер писал: «Мы едва ли в силах даже представить себе, сколько великих мыслей чужих культур нашли в нас свою погибель, поскольку мы, исходя из *нашего* мышления и его границ, не смогли их ассимилировать, или, что то же, ощущали их ложными, ненужными, бессмысленными» (Шпенглер, 1993).

Другим фактором, который мы отмечаем выше, является зависимость мысли от нравственных устоев человека. Ранее мы приводили суждение Аристотеля о том, что все добродетели души относятся или к нраву, или к мысли. Но необходимо пойти дальше – сама мысль зависит от нравственности человека. В предыстории человечества ум и мораль существовали в единстве, как единое целое (Бергсон, 1994). Ум и мораль содержатся вдруг друге. И если углубиться в историю, то мы обнаружим мораль, более близкую к уму и ум, более близкий к морали, чем у современного человека. Ум оформлял моральное требование. Мораль руководила сообществом людей и поведением человека внутри сообщества. Однако и сегодня действие ума опутано и контролируется моралью, а в морали проступают действия рассудка. Мораль направляет восприятие и определяет не только образ восприятия вещи, явлений, событий, но и содержание этих образов и мыслей, связанных с ними. Оформление мыслей и образов под влиянием требований морали мы также отнесем к интеллектуализации образов.

В заключение рассмотрим процесс интеллектуализации мыслей, обусловленный потребностями мыслящего субъекта. Как показали исследования, выполненные К. В. Судаковым и его сотрудниками, актуальная потребность, связанная с жизненно важной константой, формирует мотивационное состояние, определяющее активное отношение к раздражителям внешнего мира, приводит в действие прошлый опыт и тем самым способствует целенаправленной организации поведения (Судаков, 1971). На основе доминирующей мотивации возникает химическая избирательность корковых механизмов и осуществляется отбор предметов внешнего мира, способных удовлетворить актуальную потребность. Важно отметить, что мотивационное состояние, связанное с актуальной потребностью, сопровождается эмоциями. Как следствие, опредмеченная потребность в виде отражения свойств предметов внешнего мира сопровождается эмоциями.

Таким образом, мысль, отражающая связь потребности со свойствами предметов внешнего мира, способных удовлетворить актуальную потребность, сопровождается *переживанием*.

Внимательный читатель обратил внимание, что, рассматривая проблему связи мысли и мотивации, я употребил термины «эмоции» и «переживания». Дело в том, что на уровне нейропсихологических механизмов организации поведения мы говорим о нервном субстрате, регулирующем целенаправленное повеление, и пользуемся языком биологических терминов. На психологическом же уровне анализа проблемы мы говорим о желании и хотении, о мысли и образе, а также о переживании. Нервный субстрат эмоций выступает в этом случае как система биологических детекторов, переводящая сигнал о потребностях в ощущение (чувство) удовольствия/неудовольствия, под воздействием которого возникающая биологическая потребность *переживается* как психологический факт. Переживание может осознаваться и не осознаваться. Существует порог осознания переживания. Таким образом, с учетом функционального характера психики мысль как отражение определенного свойства предмета, способного удовлетворить актуальную потребность, сопровождается переживанием.

Изложенное выше позволяет высказать суждение о *структуре мысли*: она включает три компонента: *содержание, потребность и переживание*. В единстве трех выделенных компонентов мысль предстает как *живое знание*.

Нам представляется, что именно в этой структуре мысли, а следовательно, и образа, и заключаются ее уникальные свойства, проявляющиеся в том, что человек мыслит мыслями. Мысль представляет собой *потребностно-эмоционально-содержательную* субстанцию. Такова онтология мысли.

С понятием «субстанция» мы редко встречаемся в современных психологических исследованиях. Однако, как писал С. Л. Рубинштейн, к понятию «субстанция» мы с необходимостью обращаемся, когда делаем попытку отразить сущность вещи. Субстанция понимается как сущность вещи, как устойчивое в явлениях, как пребывающая сущность и ее проявления, как сущее, причина которого и нем самом, существующее как причина самого себя (Рубинштейн, 1997). Именно в качестве субстанции мысль входит в содержание внутреннего мира человека. В таком виде она и сохраняется в памяти человека: связанной с предметами внешнего мира и их свойствами, потребностями человека и его переживаниями.

Определив таким образом мысль, выясним отношение мысли и информации.

Мысль и информация

Основатель кибернетики Н. Винер определил *информацию как термин для обозначения содержания*, получаемого из внешнего мира, в процессе приспособления к нему нас и наших чувств (Винер, 1983). В данном определении Н. Винер подчеркивает, что информация – это содержание, получаемое *человеком* из внешнего мира. Информация как свойства объектов внешнего мира существует независимо от человека, который получает ее через восприятие. В определении И. Винера еще присутствует связь информации с познающим субъектом, хотя линия рассуждений о ее обусловленности мотивами и переживаниями, связанными с познанием, не развивается. В работах по использованию информации в технических устройствах эта связь полностью теряется. Содержание как информационная характеристика объекта становится доминирующим. В этом случае субъект имеет дело с *информационными моделями* внешнего мира. Содержание в этих моделях представлено на уровне *значений*, позволяющих понимать информацию различными пользователями, прежде всего человеком. Для выражения значений чаще всего применяются слова-понятия. Они являются определенным кодом, служащим для передачи информации от одного человека к другому.

Мысль не только содержит информацию, но и несет в себе мотивационную и эмоциональную составляющие. Мысль рождается конкретным человеком, включается в его существование и в силу этого имеет для него определенный *смысл*. У конкретного человека внешний мир представлен в содержании психики прежде всего в виде *смысловой модели*, которая отражает содержание в его значимости для конкретного человека. Эти **смысловые модели и составляют содержание индивидуальной психики и осознаваемой ее части – сознания**. В сознании внешний мир представлен в информационных и смысловых моделях, которые пересекаются, но не тождественны.

Обращение к мысли как исходному конструкту позволяет понять отношение мысли и информации. Своей связью с потребностями и переживаниями живая мысль и отличается от информации, которая характеризуется только содержанием.

Порождение мысли

Рассмотрев вопрос о том, что такое мысль, мы можем поставить другой фундаментальный вопрос: как рождается мысль? В поисках ответа на него мы будем исходить из методологического принципа о роли психики в обеспечении бытия человека.

Традиционно ответ на поставленный вопрос ищут в когнитивной сфере. И это можно объяснить, так как авторы исходят из понятия «информация» и ее места и организации поведения. Мы же, основываясь на нашем понимании мысли как потребностно-эмоционально-содержательной субстанции, выскажем гипотезу о том, что *мысль рождается из желаний и переживаний*.

Желание направляет поиск предмета и/или действий, которые способны удовлетворить актуальный мотив. Желание порождает мысль о предмете, который способен удовлетворить актуальную потребность. Желание направляет поиск и *оформляется в процессе опредмечивания в мысль*, и мысль начинает выступать в единстве с мотивацией и содержанием, отнесенным к предмету, способному удовлетворить потребность. Желание может относиться не только к предмету, но и к *действию*, тогда возникает мысль о необходимых действиях (поступках).

Процесс перехода от желания к мысли проходит три стадии:

- 1) мотив (потребность) вначале выступает как хотение, которое может не осознаваться или осознаваться;
- 2) хотение в определенных условиях переходит в желание, которое *опредмечивается и выражается в мысли о предмете желания*;
- 3) мысль-желание реализуется через мысль-действие.

В этом процессе порождения мыслей участвует мышление. Оно работает с содержанием психики, в котором представлены образы и мысли о предметах, способных удовлетворить потребность, необходимых действиях и условиях жизнедеятельности. Мышление реализует функцию принятия решения (выбора): какой предмет и каким способом может удовлетворить актуальный мотив (привести к разрядке мотивационного состояния).

Рассмотрим это на примере.

Допустим, вы студент. Заканчивается вторая или третья пара. Вы начинаете ощущать чувство голода. Вы осознаете, что хотите есть. Проходя мимо буфета, вы заходите в него, и в зависимости от того, что находится на прилавке и сколько у вас денег, вы принимаете решение взять конкретный продукт (салат, пирожок, что-то из горячего). На этой стадии ваше хотение переходит в конкретное желание, что и реализуется в акте покупки.

По этой схеме реализуется большинство покупок, по этой схеме работает реклама, переводя наш мотив быть привлекательной/ым в хотение купить, а затем в желание приобрести конкретную вещь.

Но посмотрим, как описанная выше схема выглядит со стороны процесса порождения мыслей.

Осознание чувства голода порождает *мысль* о том, что надо что-то съесть. Это, в свою очередь, порождает *мысль* о том, как это сделать; возможно, у вас есть бутерброд, который вы принесли из дома. Если у вас ничего нет, порождается *мысль*, что надо пойти в буфет, восприятие продуктов в буфете порождает *мысль* о том, что вы хотели бы съесть. Желание конкретной вещи порождает *мысль* о ее стоимости и *мысли* о ваших финансовых возможностях. В результате обдумывания ситуации рождается *мысль* о том, что вы купите, которая переводится в *мысль* о том, что надо сделать. Процесс завершается приобретением вещи, которая вами и употребляется в пищу. Процесс может продолжаться, если вы не сочтете, что съели достаточно, или у вас возникает сомнение в том, то ли вы купили. И т. д.

В этом примере важно подчеркнуть, что *мысль рождается из желания*. При этом разворачивается процесс мышления, связанный с оценкой факторов, обеспечивающих удовлетворения желания.

Отметим, что в каждой мысли находит отражение мотив (потребность), который привел к порождению данной мысли. При этом каждая мысль будет сопровождаться определенными переживаниями, связанными с мотивом, порождающим мысль.

Описанный процесс порождения мыслей накладывается на процесс биологической мотивации (Судаков, 1971) и через них приобретает свою онтологическую сущность.

В механизме мотивации поведения и скрыт процесс порождения предметной мысли. Центральным моментом этого механизма является установление качеств предметов внешнего мира, благодаря которым возможно удовлетворение потребности и обеспечение существования субъекта. При этом свойства предмета связываются с предметом и мотивацией. Связь свойств и предмета, как было показано ранее, выражается мыслью, связанной с мотивацией, на основе которой эта мысль и порождается. На этом пути познается внешний мир, который во внутреннем мире оформляется в семантическую²² (смысловую) модель.

На психологическом уровне в процесс порождения мыслей по удовлетворению актуальной мотивации включаются прошлый опыт: мысли, характеризующие отдельные предметы и их личностный смысл, условия удовлетворения актуальной мотивации и представление последствий этого удовлетворения. Каждый этап порождения мыслей описывается развернутым процессом принятия решений, в котором

²² Семантика (в языкознании) – значение, смысл (отдельного слова, оборота речи).

мышление играет ведущую роль. Содержание психики, связанное с удовлетворением мотива, в процессах мышления приводит к конкретным решениям, находящим отражение в соответствующих мыслях. Совокупность мыслей, связанных с удовлетворением актуальной мотивации, интегрируется в *умственную смысловую модель*, связанную с данным актом жизнедеятельности. Из актуального состояния данная модель может переходить в потенциальное и снова актуализироваться при возникновении сходной ситуации. За счет этих переходов формируются стереотипы поведения. Понять порождение мыслей из потребностей можно только в том случае, если мысль представляется в виде потребностно-эмоционально-содержательной субстанции.

Рассмотрим теперь другой *источник порождения мыслей – из чувства*.

Показательны в этом плане рассуждения А. Бергсона о взаимоотношениях эмоций и мыслей: «Существуют эмоции, порождающие мысль: и изобретение, хотя оно и принадлежит к явлениям интеллектуального порядка, может иметь своей составляющей сферу чувств. В этом случае эмоция по отношению к последующим умственным состояниям выступает как причина, а не как следствие. Эта эмоция может порождать новые идеи. Она суперинтеллектуальна» (Бергсон, 1994).

Источником наиболее сильных и стойких переживаний является *совесть*. Проследим процесс порождения мыслей, обусловленный нравственным самосознанием, совестью человека.

Как пишет И. А. Ильин, «совестный акт воздвигается (иногда лучше и точнее сказать – раздражается) *бессловесно*, как бы вырастая из иррациональной душевно-духовной глубины, собранной и сосредоточенной надлежащим образом <...> где нет обычных человеческих слов, с их *общим* значением, которое постигается то мыслью, то воображением... Но если бы все-таки решиться говорить здесь о словах совести, то нужно было бы подразумевать не привычные для нас, произносимые и звучащие слова повседневности, но те *сокровенные и таинственные, логически едва уловимые, беззвучные содержания*» (Ильин, 1993). В данном прекрасном отрывке с поразительной прозорливостью представляется переживание, соединенное с зарождающейся едва уловимой мыслью. «Здесь еще нет *по-человечески* раскрытой разумности», ибо «*совесть есть состояние нравственной очевидности*» (Ильин, 1993). Совесть есть душевное состояние, связанное с глубоким переживанием. И в этом состоянии содержатся *едва уловимые мысли*, беззвучное содержание нашей психики. Естественный акт насыщен эмоциями, а в своем проявлении он представляет собой единст-

но зарождающейся, невысказанной мысли и эмоции (таким образом, мы еще раз приходим к выводу, что мысль есть эмоционально-потребностно-мотивационная субстанция).

Не выраженная до конца словами совесть заставляет осмысливать и оценивать свои поступки, и с этого момента она становится источником *осознаваемых мыслей*, пробуждает ту сторону мышления, которая и позволяет *осмыслить поступки*, предметное поведение человека. Обращение к совестному акту позволяет нам приоткрыть завесу порождения человеческой мысли.

По своему характеру любая мысль порождается субъектом жизнедеятельности, следовательно, *каждая мысль несет в себе* не только качества объектов внешнего мира, но и *качества ее создателя*. Поэтому каждая мысль *личностна*. В своем единстве, субстанциональной целостности, мысли и составляют часть содержания *личного сознания*. Мысли отдельных людей относительно одного и того же объекта не тождественны (мы не беремся сейчас обсуждать вопрос о значительности этих различий). «Худшее, что может сделать психология, – это начать истолковывать природу личных сознаний, лишив их индивидуальной *ценности*», – писал по этому поводу еще У. Джемс. При этом под личным сознанием он понимал «связные последовательности мыслей, осознаваемые как таковые» (Джемс, 1901).

Раскрывая процесс порождения мыслей, мы показали, что мысль, отражая объективную сущность вещи, включает субъективный компонент как в субстанциональный, так и акциденциальный частях. В предельно полной форме Уильям Оккам эту мысль высказал в следующем виде: «*Единство познавательного акта то же самое, что и его индивидуальность*». Если учесть, что результатом познавательного акта является мысль, то можно сказать, что мысль всегда индивидуальна. И эта индивидуальность мысли выражается в ее компонентах и структуре, а также мере представленности отдельных компонентов: информационно-содержательных, мотивационных и эмоциональных. Человек соотносит мысли, отражая в них свою индивидуальность. В этом акте порождения мыслей и заключается *когнитивное творчество*.

Особый ракурс процесс порождения мыслей приобретает в контексте веры. Вера обладает своей познавательной ценностью, отличной от интеллекта. В яркой форме об этом писал святой апостол Павел. «Духовный судит о всем, а о нем судить никто не может. Ибо кто познал ум Господень, чтобы мог судить его? А мы имеем ум Христов» (Библия, 2000).

Связность мыслей сознания, их целостность отражает связность вещей внешнего мира и их целостности. В этой связности заключает-

ся наше понимание внешнего мира, так как отдельные мысли всегда носили при их порождении функциональный характер. В нарушении этой целостности заключается проблема непонимания, одна из центральных проблем педагогической психологии.

Ум постоянно осмысливает (рождает новые мысли) ситуации, в которых находится субъект. Способность порождать мысли и устанавливать отношения внутри потока сознания и будет характеризовать интеллект человека.

Проведенные теоретические поиски, опирающиеся там, где это возможно, на биологические данные, позволяют высказать определенные суждения о том, что такое мысль и как рождается мысль. Высказанные положения открывают новые горизонты исследования познавательной деятельности человека, его мышления, способностей и сознания.

Переход от предметной мысли к абстрактной мысли

Предметное мышление имеет дело с содержанием чувственного познания, отраженного в предметных мыслях. Что связывает чувственное познание и познание рациональное (абстрактное)? Как показал Леви-Стросс, для обоих видов мышления характерны одни и те же *методы мышления*, использование сходных интеллектуальных операций. Правда, они приобретают оперативные трансформации, связанные с предметом мышления. Важно показать *трансформацию* самого предмета познания из чувственного в абстрактный, рациональный, и связанную с этим трансформацию методов мышления. Эта трансформация определяется исторической культурой и сама воздействует на развитие культуры. Так, например, В. Н. Ярхо, проводя литературный анализ «Илиады», отмечает: «Давно замечено, что автор „Илиады“ очень наблюдательный по отношению к внешним проявлениям сильного чувства (гнева, страха и т. п.), не умеет изображать внутреннего состояния человека» (Ярхо, 1982). Боги извне вкладывают в дух героя отвагу, боевой пыл, желания, полезную мысль. В соответствии с воззрениями времени боги выступают движущей силой поступков героя. Внутренний мир героев остается для Гомера, пишет Ярхо, в значительной степени непознаваемым и еще не воспринимается в единстве интеллектуальных и эмоциональных проявлений. Потребовалось несколько веков для того, чтобы мысль человека обратилась к самому себе. И это мы находим в произведениях Платона и Аристотеля.

Предметная мысль многогранна и конкретна. В образе мысль представлена *синтетичностью* и *конкретностью*. И эта многогран-

ность и конкретность мысли становится препятствием для познания чувственно не воспринимаемых сущностей.

Переход от предметной мысли к абстрактной представляет собой процесс постепенного удаления от чувственных признаков с одновременным обобщением сущностных качеств нового понятия. Но практически всегда в абстракциях высокого уровня сохраняется связь с предметными мыслями, характеризующими предметный мир.

Процесс перехода от чувственного восприятия к абстрактным понятиям, в известной мере, близок к процессу формирования предельно-смысловой обобщенности вещи по Платону. Как пишет А. Ф. Лосев, анализируя проблему античного объективного идеализма, «платоновские идеи – это не субстанциализированные родовые понятия, метафизически противостоящие чувственной действительности. Анализ бесчисленных текстов Платона показывает, что свою идею вещи Платон понимает, прежде всего, как принцип вещи, как метод ее контроля и познания, как *смысловую модель ее бесконечных чувственных проявлений* (курсив – В. Ш.), как смысловую ее предпосылку («гипотезу»), наконец, как такое общее, которое представляет собой закон для всего соответствующего единичного. При этом материал является функцией идеи. В таком смысле идея оказывается предельно *бесконечно малых чувственных становлений* (курсив – В. Ш.), своего рода их интегралом» (Лосев, 1990). Идея вещи в этом случае выступает как предельно точно сформированный первообраз вещи. «Платоновский идеализм формально и структурно признает безусловный онтологический примат идеи над материей. Но если брать его не структурно, не конструктивно-логически, а по его содержанию, то в центре его окажется учение о чувственном космосе; все доминирующие над космосом идеи Платон привлекает только для обоснования этого космоса в материи царства идеи» (Лосев, 1990).

Первообраз вещи сразу может восприниматься как обобщенная мысль-идея, которая мыслится или как вещь (как объект противостоящий субъекту познания), или как отношение вещей (дружба), или как свойство вещи (способности). Такие обобщенные мысли – идеи раскрываются в процессе их познания и конкретизации. Процесс порождения мыслей в этом случае будет описываться как восхождение от абстрактного к конкретному.

Абстракции высокого уровня представляют собой идеи, описывающие сущности. Эти идеи можно отнести к абстрактным мыслям, которыми мыслит ученый, художник.

Мышление имеет дело, как с чувственными образами, так и с абстрактными предметами, полученными в процессе выделения пу-

тем абстракции (как логического процесса) отдельных свойств, сторон и отношений реальных предметов. В процессах абстрагирования в образах реальных предметов могут, с одной стороны, выделяться отдельные качества, с другой – образ может дополняться новыми, привносимыми качествами. За счет отвлечения от отдельных качеств образ упрощается, за счет дополнения – усложняется. Главным вопросом в процессе абстрагирования является решение того, какие свойства выделить, а от каких можно и нужно отвлечься. Этот процесс тесно связан с вопросом о выделении сущностных качеств. Абстракция позволяет выйти на понятие, описывающее широкий класс вещей или событий. К абстрактным моделям можно применить методы научного познания. Наиболее развитой системой абстракции обладает математика, которая описывает реальные явления с помощью систем математического отображения (с помощью математических уравнений).

Процесс абстрагирования является необходимым условием современного обучения. Абстрагирование лежит в основе умения ученика выйти за рамки конкретики и решить задачу, оперируя формальными системами мышления.

Абстрагирование является необходимым условием образования различных понятий, без абстрагирования невозможно проникнуть в сущность предмета, выделить его существенные стороны.

С одной стороны, конкретный предмет – явление более многостороннее, целостное, сложное, с другой – абстрактное – часть целого, сторона конкретного, но и возможность установления сущности конкретного.

Любое теоретическое познание отправляется от чувственного многообразия конкретного. В качестве конкретного выступает материальная действительность, мир чувственно представленных предметов и явлений. Конкретность предмета обусловлена объективной взаимосвязью его сторон.

Возьмем, к примеру, такой объект как деятельность. Она состоит из ряда компонентов. Мы выделяем ее отдельные стороны и выясняем закономерности их формирования и функционирования. Устанавливаем определенные закономерности, абстрагируясь от других сторон и от конкретной деятельности.

На основе изучения отдельных сторон мы устанавливаем связи между отдельными компонентами и представляем модель целостной деятельности. На этом этапе отдельные стороны и свойства, отдельные компоненты сами могут быть поняты лишь постольку, поскольку сами рассматриваются как часть целого; определяемое функциональ-

ным назначением целого. Таким образом, мы подходим к системному видению объекта изучения.

Владея теоретической моделью деятельности, мы можем грамотно (сущностно) подойти к анализу любой деятельности. В общем виде, владея теоретической моделью объекта, субъект может свободно переходить к объяснению любого чувственно-конкретного предмета конкретного класса.

Рассматривая вопрос о том, что должно характеризовать мышление ученика в процессе решения абстрактно-формальных задач, М. Дональдсон (Дональдсон, 1985) выделяет несколько условий:

- уметь выходить за конкретику и решать задачу, оперируя формальными системами мышления; никакой формальной системой нельзя овладеть, не научившись хотя бы немного выходить за рамки конкретики;
- уметь пользоваться языком и мышлением самими по себе. Школьник должен уметь направить свои мыслительные процессы на самих себя, он должен не просто говорить, а отбирать то, что он собирается сказать, и не просто интерпретировать, а сравнивать интерпретации;
- система понятий школьника должна включать и способность представлять самого себя;
- школьник должен овладеть умением манипулировать символами;
- владеть планирующей деятельностью, проявляющейся в размышлениях о предстоящих действиях как о ряде возможных, ведущих к достижению цели;
- развивать в себе способность задержать внешнее действие и переключить внимание на умственное действие. Именно этот момент способствует осознанию внутренних явлений, способствует переключению мышления ребенка с реального лица (мышления, направленного вовне) на мышление, направленное на себя, на свои действия и мысли;
- уметь справляться с проблемой многозначности слов.

Таким образом, ведущими условиями успешной учебной деятельности являются осознанность и произвольность, а главная задача заключается в формировании саморефлексии своих (умственных) действий. «Овладение такой регуляцией, – пишет М. Дональдсон, – означает выход мышления из примитивной неосознанной исключительности в непосредственную жизнь и во взаимодействие с другими человеческими существами. Оно означает умение выходить за пределы кон-

кретики. На этом построено движение к более высоким интеллектуальным навыкам. Выход за пределы конкретики неестествен в том смысле, что не происходит спонтанно. Сама возможность подобного выхода является продуктом многовековой культуры, и эта возможность не реализуется в жизни отдельного ребенка, если средства культуры не подкрепляют усилия, направленные на овладение отвлеченным мышлением. Но в определенном смысле этот процесс не так уж и неестествен, поскольку представляет собой простое воспитание скрытых возможностей» (Дональдсон, 1985).

Большая заслуга отечественной психологии (школа В. В. Давыдова) связана с разработкой теории и технологии выхода в обучении за пределы конкретики с использованием теоретического (или содержательного) обобщения. Основу теоретического обобщения составляет всеобщая (существенная) связь, выступающая в роли генетической исходной основы для всех частных проявлений. В структуре учебной деятельности, направленной на решение учебной задачи, существенной характеристикой которой является овладение школьниками теоретически обобщенным способом решения некоторого класса конкретно-частных задач, В. В. Давыдов выделяет следующие учебные действия (Давыдов, 1982):

- преобразование ситуации для обнаружения всеобщего отношения рассматриваемой системы;
- моделирование выделанного отношения в предметной, графической и знаковой форме;
- преобразование модели отношения для изучения его свойств в чистом виде;
- выделение и построение серии конкретно-частных задач, решаемых общим способом;
- контроль за выполнением предыдущих действий; оценка усвоения общего способа как результат решения данной задачи.

Каждое из действий состоит из операций, адекватных конкретным условиям той или иной учебной задачи. Сравнение традиционной методики обучения с методикой, основанной на теоретическом обобщении, свидетельствует об их принципиальном различии.

«В первом случае частное и общее есть чисто внешние характеристики реально не связанных друг с другом объектов, что при отражении дает эмпирическое представление о формально общем как сходном и одинаковом в совокупности частного. Во втором случае всеобщее и частное (в данном случае частное – это особенное и единичное) выражает внутреннее содержание единого развивающегося объекта

(системы), что при отражении приводит к теоретическому понятию о всеобщем отношении как генетически исходной основе особенных и единичных (частных) проявлений объекта» (Давыдов, 1982):

Одним из критических моментов образования является потеря связи понятия с предметами материального мира. Этим определяется большинство трудностей в школьном (да и не только в школьном) учении и обучении. Материальный мир не должен исчезать в процессе учения и теоретической деятельности, и должна всегда выполняться обратная операция – возвращение от понятия к материальному предмету, от закона к практике, описываемой этим законом, к условиям его реализации, от мысли к действию, к делу.

Литература

- Аристотель*. Этика. М.: АСТ, 2002.
- Бергсон А.* Два источника морали и религии. М.: Канон, 1994.
- Библия. М.: РБО, 2000.
- Винер Н.* Кибернетика, или управление и связь в животном и машине. 2-е изд. М.: Наука–Главная редакция изданий для зарубежных стран, 1983.
- Выготский Л. С.* Собрание сочинений / Под ред. Д. Б. Эльконина. М.: Педагогика, 1984. Т.4. Детская психология.
- Давыдов В. В.* Содержание и структура учебной деятельности школьников // Формирование учебной деятельности школьников. М.: Педагогика, 1982.
- Джемс У.* Психология (Text Book of Psychology). Изд. 3-е. СПб.: Типография В. Безобразова и Ко, 1901.
- Дотальдсон М.* Мыслительная деятельность детей. М.: Педагогика, 1985.
- Линченко В. П.* Сознание и творческий акт. М.: Языки славянских культур, 2010.
- Ильин И. А.* Путь к очевидности. М.: Республика, 1993.
- Лосев А. Ф.* Жизненный и творческий путь Платона. Предисловие к собранию сочинений Платона в четырех томах. М.: Мысль, 1990. Т.1.
- Риале Д., Антисери Д.* Западная философия от истоков до наших дней. Книга 2. М.: Ренессанс, 1991.
- Рубинштейн С. Л.* Человек и мир. М.: Наука, 1997.
- Судаков К. В.* Биологические мотивации. М.: Медицина, 1971.
- Холодная М. А.* Психология понятийного мышления. От концептуальных структур к понятийным способностям. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2012.
- Шпенглер О.* Закат Европы. М.: Мысль, 1993.

Ярхо В. Илиада Гомера: фольклорная традиция и индивидуальное творчество. Послесловие к Илиаде. 1982.

Макарова К. В. Развитие духовных способностей (на примере младших школьников). Автореф. докт. дис. М., 2006.

Психологические составляющие духовности и культуры – фундамент безопасности человека летающего

В. А. Пономаренко

доктор психологических наук, профессор психологии летного труда,
академик Российской академии образования

Для отстаивания позиций психологии о творческой, созидательной роли духовности и культуры нужна опора на государственную совесть, на наш базовый авиационный профессиональный Дух и самодостаточность авиационных руководителей. Как говорит генерал армии П. С. Даинекин – настало время видеть и говорить правду.

Критичность к своим ошибкам – есть самый короткий путь к вершинам мастерства.

В. А. Пономаренко, из опыта своей жизни в небе

Для отстаивания позиций психологии о творческой, созидательной роли духовности и культуры нужна опора на государственную совесть, на наш базовый авиационный профессиональный Дух и самодостаточность авиационных руководителей. Как говорит генерал армии П. С. Даинекин – настало время видеть и говорить правду.

Не стоит сомневаться в том, что нас – как ветеранов, так и находящихся в строю, тревожит философский вопрос: почему человеческий фактор в авиации, как главный ресурс реализации безопасности полетов, увеличивающий экономический потенциал нашей страны, оберегающий Отечество, нередко приобретает свойства универсального виновника, и, прежде всего со стороны летного состава?

В этой связи возрастает духовно-нравственная потребность осмыслить – почему в нестандартных ситуациях, при дефиците времени летчики не имеют должной правовой защиты принимать решения исходя из им видимой реальной обстановки, иметь право на свободу выбора, прогноза, поставив себя впереди самолета, а не сзади, в режиме предугадываемого развертывания экстремальных событий. Вот